

Адлер Макс. Макс Штирнер и современный социализм

Статья австрийского философа и социолога М. Адлера (1873 — 1937) напечатана в издававшейся в Вене «Рабочей газете», в номере за 25 - 26 октября 1906 г.

Рассматривая процесс разложения немецкой буржуазной идеологии, мы должны рядом с великими именами Маркса и Фейербаха, которые вывели немецкое мышление из этого крушения на новые пути и открыли новые многообещающие горизонты, дать место и тому до сих пор будто совершенно одинокому мыслителю, о жизни и деятельности которого вновь напомнило наступившее теперь столетие со дня его рождения. Этот мыслитель — Макс Штирнер. Присоединяя его имя к названным, мы точно обозначаем то место, которое принадлежит ему по праву, по его значению в истории эмансипации современного сознания и право на которое нельзя более у него оспаривать: это место — между Фейербахом и Марксом. Штирнер — в высшей степени значительное звено в той знаменательной борьбе за самопознание, которая свела его из парящей в облаках спекулятивной философии Гегеля на землю и привела через Фейербаха к Марксу.

По сравнению со Штирнером Фейербах, несомненно, преодоленная точка зрения, и его критика теологии является неполной, исследующей лишь часть всего феномена. Она должна была привести к идеологическому результату, ибо она оставила неприкосновенными все прочие, стоявшие вне религии, идеологические силы. Штирнер борется с ними, борется блестяще и глубоко со всякой и каждой идеологией, далеко оставляя позади себя фейербаховскую критику, которая со своим совершенно абстрактным и вовсе не проанализированным понятием родового человека как реальной основы этой идеологии сама еще принадлежит к области идеологии. Это свое отношение к Фейербаху понял сам Штирнер, понял с достойной изумления ясностью и выразил его в эпиграфе ко второму разделу своего труда.

Но если Штирнер пошел несравненно дальше Фейербаха, распространив критику его на всю область идеологического сознания, то пределы ее исторического значения указывались уже самим способом, каким он вел эту критику: ее субъективностью. Она привела к тому, что он — весь под влиянием познанной им идеологической иллюзорности в общественных отношениях людей — видел свою задачу не столько в критике идеологических форм, сколько — и это главным образом — в поистине сизифовом труде разрушения, уничтожения идеологического сознания. При этом, конечно, совершенно не могло возникнуть вопроса о том, какие реальные причины могли вызвать эту иллюзию, эту видимость. Он исходил из той основной идеи, что действительная критика идеологии может быть совершена только посредством революционирования индивидуального сознания, — это являлось

единственной высшей точкой созерцания. Однако так как Штирнер не представлял себе ясно взаимоотношений отдельных индивидуальностей, единичных субъектов сознания (мы увидим ниже, что вместе с тем он эти взаимоотношения признавал), а потому и феномен общества отступал для него на второй план перед составляющими общество отдельными личностями, — то он не мог достичь той вершины созерцания, с которой идеология не представляется- пустой иллюзией, вместо которой появляется телесное, освобожденное от иллюзий «я».

Великая идея — в такой идеологии, несмотря на ее иллюзорность, есть реальное содержание, которое нужно не отвергать, а объяснить и определить как образовавшееся в данной социальной среде, то есть созданное при данном исторически обусловленном сознании выражение существующих жизненных интересов, могущих являться для отдельных личностей только в общественной форме,— эта великая основная идея Карла Маркса составляет тот решительный шаг, благодаря которому только можно было перейти от простой критики к действительному пониманию идеологии. Этого шага не мог сделать Штирнер, хотя того, как мы еще увидим, требовали все элементы его мышления. Поэтому Штирнер при всей гениальности разрешения своей проблемы и несмотря на свою, в результате часто совпадающую с Марксом критику идеологии, все же должен считаться лишь предшественником марксистского миропонимания.

Но Макс Штирнер был таким предшественником, что значительно более приближается к мышлению и миропониманию современного социализма, чем к какому-либо другому революционному направлению, в частности к анархизму, к которому его так часто, но ошибочно причисляют. Доказать все то, если это окажется верным, было бы лучшим способом восстановить память о нем среди нас. Нужно показать тесную связь между ним и пролетариатом, всемирно-исторической Лорье которого была посвящена книга Штирнера, а это покалывает каждая страница книги, которая «написана кровью своего творца» (Меринг).

Значение Штирнера в истории человеческого духа вообще и для развития социалистического мировоззрения в частности, целиком покоится на его главном труде: «Единственный и его собственность». Ибо он не был человеком действия и безусловно был не ко времени в эпоху, которая так нуждалась еще в действии и активности в десятилетие брожения, закончившееся революцией сорок восьмого года. Да можно даже спросить, своевремен ли он теперь, когда все еще полно тяжелой борьбы за улучшение материальной культуры.

Лично Штирнер, конечно, и Яче думал о своевременности своих стараний. Он был глубоко убежден в том, что указанное им средство, революционизирование сознания, должно быть не целью, а путем, что оно есть не следствие, а условие также и для материального переворота существующих общественных условий. И он вовсе уж не был так неправ. Ибо новое время нуждалось в новых идеях; отсюда и первоначально бурный успех Штирнера, который подействовал и на Энгельса, хотя позже он в совместной критике с Марксом и достиг понимания различия их мировоззрений. Ведь революционизирование сознания было лозунгом критической работы, с которым выступил и Маркс. Он так писал в «Немецко-французском ежегоднике»: «Нашим девизом должно быть реформирование сознания. Миру

должно быть показано, почему, собственно, он борется, и сознание должно быть усвоено, хочет он этого, или нет».

Но, что для Штирнера осталось лишь движением в сфере мышления, двигательный импульс к которому в конце концов мог быть найден только в воле «Единственного», то познается здесь в его исторической необходимости, а этим познаются и условия его возникновения и роста... Революционизирование сознания у Штирнера есть еще только требование, у Маркса же оно становится познанной в ее причинности исторической необходимостью. На место «я», в котором происходит этот процесс, выступает уже исторический процесс, вызывающий его, и то, что у Штирнера было только характером революционного «я», познается теперь как характер того класса, в жизненных интересах которого необходимо это революционизирование. Движение «Единственного» в сфере его мышления непосредственно превращается в движение масс, реализующих этого «Единственного» в каждом из составляющих ее индивидов.

Таким образом, основная мысль Штирнера - революционизирование сознания как средство для революционизирования общества — не ложна. Но она верна только наполовину: по отношению к познанию социальной жизни и вытекающей из него практики она и есть та предварительная истина, о которой мы говорили раньше, но не отбрасываемая марксизмом, а приведенная наконец в ее настоящую, объективную связь...

...Смысл «Единственного» будет виден только тогда, когда понят будет смысл другого основного понятия у Штирнера — смысл «призрака», «духа», разложением, уничтожением которого является «Единственный». «Призрак» — это идеология вообще, против которой Штирнер борется с неслыханной до тех пор остротой психологического анализа. Он показывает нам, как всюду и везде идеологические силы держат современного человека в своей власти; религия, право, нравственность — только различные направления владычества духа, которое в целой системе идей, идеальной ценности установило настоящую иерархию, заставляющую собственные желания человека подчиняться ее заветам. Хотя человечество борется вот уже почти два тысячелетия за то, чтобы подчинить себе дух и уже немало «священного» удалось развенчать, но даже когда ему удастся найти дух человечества, любовь, гуманность в себе самом, а не, как прежде, в потустороннем, то и тогда еще дух останется священным. Вот почему, например, и вера в то, что нравственность или право уже не имеют божественной природы, а представляют божественное в человеке, составляют его настоящее существо,— и эта вера есть опять-таки только религия. Не святое уничтожено, а прежние носители святого; переменились только властители. Как и раньше, так и теперь, человек остается закованным в оковы духа и ограничивается тем, что позволяет ему дух.

Только возврат к нашей «самости» выведет нас из этого призрачного мира идеологических сил в реальную жизнь. Перед мощью и интересами телесного индивидуума рассеиваются сразу всякие привидения, даже если бы он сначала открыл во всех их явлениях только себя. Как только за всеми «священными» представлениями о праве и морали будут открыты голые интересы силы и снята личина с эгоистических людей, облачившихся в пышные одежды духа, для того чтобы иметь вид высших людей,— тогда будет свергнута власть духа. Тогда только станут друг против друга собственные интересы, одинаково «мирские»,

но и одинаково значительные. Старая вера в то, что нравственные и Правовые понятия имеют якобы не зависимое от подобных интересов и ценное в себе существование, познается как «призрак», «привидение», которое довольно уже дурачило людей, как «одержимость», от которой наконец выздоравливаешь. Право, которому так долго дозволяли предписывать нормы собственного бытия, обнаруживается теперь как сила, могущая утверждать себя. Сколько я имею силы, столько же и права. Кто просит, тот, значит, не имеет силы, а потому не имеет и права. Право не может быть даровано, оно должно быть взято. «Чернь», привыкшая подчиняться, должна наконец сама раздобыть себе то, что ей надо. Только тогда перестанет она быть «чернью», когда начнет дело захвата. Следовательно, не мечтания под обессиливающим влиянием идеологических представлений ведут к цели, а единственно борьба. Пусть каждый употребит силу против того, кто ее хочет у него ограничить; кому это не нравится — пусть защищается. Я уступаю только более сильной мощи, которая может меня подчинить себе, не подчиняя духовно.

Таким образом, благодаря энергичному повороту сознания внезапно выступает полный сил индивидуум, до сих пор блуждавший в абстрактности идей. Этим добыто первое определение для понимания «Единственного». Его нельзя понимать ни как уединенного, изолированного, ни как единственного в своем роде, в смысле сверхчеловека. Его единственность есть единственность центра по отношению к точкам периферии; воля, чувство и мышление, обременявшие в идее «я» как еще нечто чуждое, принимаются в его индивидуальную единственность, чтобы быть признанными как часть ее. «Единственный», следовательно, даже не является необходимым противником всеобщности - он только не хочет более быть ее жертвой. Как господин и собственник своих идей, он хочет распоряжаться ими так, чтобы они не исказили более его жизнь.

Ложное истолкование «Единственного» как изолированного или исключительного человека создало неясность и в отношении другого понятия, неразрывного с первым, на долю которого вообще выпало давать повод к самым грубым заблуждениям. Речь идет о понятии эгоизма.

Как известно, вследствие вышеизложенного процесса превращения идеологии в интересы силы, Штирнер назвал основу человеческих действий эгоизмом. Отношение людей друг к другу определяется не доброжелательностью, любовью или справедливостью, а единственно эгоизмом. Только до сих пор господствовал ограниченный эгоизм, лицемерный, несвободный эгоизм, ибо люди не хотели сознаться в нем; они не поняли, что это — их натура. Но освобождение от гнета господства духа достигается тем именно, что все священные интересы превращаются в интересы эгоистические. Только тогда стану я действительным собственником самого себя, когда буду делать все только ради себя и не забуду себя, отдаваясь чуждым потребностям.

Этот эгоизм Штирнера - самое большое препятствие на пути к уразумению его, и большинство, сталкиваясь с ним, спотыкалось и переставало идти вперед по этому столь кремнистому пути. Одни на все лады возмущаются «аморальностью» Штирнера, проповедовавшего самый грубый эгоизм. Любуясь своей собственной нравственной чистотой, они преподносят столь закосневшему Штирнеру ряд трогательных примеров самопожертвования и возмущенно спрашивают, забыл ли он о бескорыстии любви. Другие

«научно» устанавливают, что выводы из штирнеровского эгоизма сами себя уничтожают, так как безудержное самоутверждение разрушает всякое общество, и т. д.

Но что такое в действительности штирнеровский эгоизм, если не принимают на веру банальностей, подобно вышеупомянутым? С самого начала надо заметить, что понимание эгоизма как своекорыстия, будучи вполне мещанским, ниже уровня штирнеровского рассмотрения. Пока не поймут, что как раз самое оригинальное в его точке зрения и есть то, что благороднейшие поступки любви к ближнему так же входят в его понятие эгоизма, как и самые узкосердечные поступки ничтожнейшего себялюбия, до тех пор не сумеют понять и его разрушение морали священного. В том-то и заключается критическая работа его психологической точки зрения, что все действия и поступки делаются одинаково ценными или одинаково неценными перед «я», ибо их нужно понимать как средства достижения его целей, в то время как эти последние опять-таки отражают их творца. Низкий, мелкий эгоизм подразумевает низкие цели. Чем шире кругозор эгоиста, тем крупнее и его цели. Полагают ли в действительности, спрашивает Штирнер, что эгоист не может чувствовать горячего участия к своему ближнему? Но ведь тогда он был бы одним интересом беднее. Только проникнутый старыми представлениями не видит, что и бескорыстие, и самопожертвование — только два вида самоудовлетворения.

Такое понимание эгоизма вовсе не является извращением понятия или игрой слов. Мне кажется, что заслуга критики Штирнера как раз и заключается в том, что мы наконец можем понять, что эгоизм абсолютно не годится в качестве основания для этической оценки. В эгоизме Штирнер схватывает действительное существенное свойство психической природы, то есть общий способ ее практического проявления, на почве которого только могут найти место различия этической оценки вообще. Даже такая этика, которая различает добро и зло совершенно не с точки зрения социальной пользы или вреда, а исключительно с точки зрения долга, начертанного категорическим императивом, не найдет противоречия в том, что все действия эгоистичны, ибо эгоизм определяет их причинную законность, а не их этическую ценность. Нужно только, что, конечно, затруднительно ввиду тысячелетней привычки, серьезно попытаться радикально отделить каждую моральную идейную ассоциацию от понятия эгоизма. И в этом состояла великая попытка Штирнера. Поэтому нельзя понимать так, что он принимает эгоизм за характерный элемент действия вообще. Эгоизм так же мало тождествен своекорыстию, как и сознанию исключительного самоудовлетворения действиями. Его надо понимать только как неотъемлемый элемент наших действий, то есть как сознание о действии, о его эгоистической природе. Сознание самого действующего лица не должно быть непременно тоже возбуждено, пока оно не дает себе отчета о самом себе.

Если мы запомним теперь это понятие эгоизма, вмещающее все содержание морали, то нам станет ясно, каким образом может эгоист уничтожить «призрак» и реализовать «Единственного». Ибо теперь индивидуум действительно стоит, как «Единственный»; он не следует более лежащим вне его ценностям, а воспринимает все, что его определяет, как указание и, таким образом, чувствует себя самостоятельным. Опять-таки «Единственный» есть не изолированная, а поступающая в согласии с собой личность, укрепленное в себе единство.

Здесь вступает третье штирнеровское понятие, дающее этому отношению очень определенное название и завершающее смысл «Единственного» - понятие своеобразия. Только своеобразие освещает индивидуализм Штирнера правильным све- » том. Не о безудержном самоутверждении, не о безграничном владычестве «я» идет у него речь. Наоборот, тех, кто сделали из этой «безудержности» принцип, чтобы доказать этим свою мнимую свободу, тех назвал он «настоящими» филистерами... Штирнер говорит, что стремится не столько к свободе, сколько к своеобразию. А своеобразие значит прежде всего быть по своему образу в мышлении и чувствовании, то есть самостоятельным в своей духовной сущности; но тогда принадлежать себе, быть собою - значит не только вырабатывать характер, но и вывести его из идеологической ограниченности, из-за которой всякая выработка характера до сих пор искалечивалась. Словом, своеобразие есть не что иное, как выработка собственной индивидуальности в такой форме, в которой все соединяющее людей не налагается на них принуждением, а устанавливается ими самими.

Перед этим понятием своеобразия исчезает и толкование «Единственного» как солипсизма. Но сам Штирнер всюду в своей книге так ясно выразил, что «Единственный» есть требование, обращенное ко всякому и каждому, что следует удивляться, как этого не понимали и как хотели в нем видеть предшественника аристократического сверхчеловека Ницше. Его учение насквозь демократично, и вся его страсть на стороне пролетариата, так что опять-таки поразительно, как некоторые критики, введенные в заблуждение индивидуалистическими понятиями, хотели сделать из него апологета буржуазной конкуренции. В подобной классификации по чисто внешнему признаку Штирнер невыносимо опозлен. Вся его книга наполнена пламенными обращениями к современникам, в особенности к рабочим, призывами к революционизированию сознания. «Будьте эгоистами»,— так гласит категорический императив Штирнера. Он соответствовал бы собственному смыслу произведения, и сколько недоразумений предотвратил бы он, если бы назвал его так: «Миллионы единственных и их собственность».

Теперь ясно, что следует отвечать на замечание, что первое противоречие в штирнеровском учении заключается в том, что он его опубликовал. То же и относительно столь распространенного мнения, что союз эгоистов, которым заканчивает Штирнер, есть самое яркое опровержение его собственных воззрений. Если этот упрек произносится социал-демократами, то они сами над собою смеются и сами не знают, в какой степени. Ибо что же представляет собой союз Штирнера, как не гениальную, провозглашенную со страстью убеждения формулу того, что еще не было в истории,— формулу соединения пролетариата, проникнутого классовым сознанием? Все примеры в его книге показывают, что под людьми, которые осуществляют его Единственного, он постоянно подразумевал пролетариат, и общий характер Единственного как действительного освободителя всех интересов пролетариата уже показывает его резко враждебное отношение к буржуазии, носительнице идеологии, от которой нужно освободиться. Рабочие всюду являются у него пионерами его идей. Государство покоится на рабстве труда. Если труд сделается свободным, то государство сокрушено.

Вот, значит, какой союз по сердцу Штирнеру! Но еще раньше именно последовательность его эгоистов требовала того, чтобы они соединялись там, где у них общие интересы. С их стороны было бы противоречием поступать иначе. Теперь ясно, что понятия Штирнера

действительно приводят к тому образу мыслей, который стал духовным достоянием современного пролетариата со времен учения Карла Маркса? Понятия классового сознания и классовой борьбы нигде не выражены в книге Штирнера, что объясняется индивидуалистической формой, обращением его к сознанию. Но на всех страницах его книги эти понятия ждут только слов для выражения, слов, которые нашел лишь Маркс; и ведь его понятие эгоизма, с вытекающим из него сведением идеологии к действующим в ней интересам, есть основное понятие материалистического объяснения истории. Союз Штирнера, задуманный в маленьких размерах, осуществлен в партии сознательного пролетариата; наконец, он означает после уничтожения классовых различий самое свободное общество...

Теперь мы сумеем осветить и штирнеровское отношение к коммунизму, ибо каждому будет ясно, что он высмеивал как нищенство, так и труженичество. Ведь он, как мы уже упоминали, не только не является принципиальным противником коммунизма, но даже сам является его представителем. Та же последовательность, которая приводит его к союзу, заставляет его признать коммунизм, поскольку он является делом союза, то есть поскольку он может выражать действительные интересы общества. А дальше этого не идет и современный социализм...

Штирнеровская критика вообще простирается только на внутреннее, на сознание о вещах, а не на сами вещи. Таким образом, он нападает не на коммунизм, а на остающуюся и при нем психику, которая сохраняет и в коммунистическом обществе дух зависимости: как раньше все ожидалось от государства, так теперь — от общества. Тут — полемика против понятия общества как "нового господина", стоящего выше нас, ибо в действительности оно должно быть творением осознанных общих интересов. И нельзя сказать, чтобы эта критика понятия общества, которое понималось еще совершенно абстрактно, как высшее единство, без всякого отношения к экономической структуре, определяющей его историческое сложение, была лишней для того времени или что она будто бы лишняя и теперь. Критическое же уничтожение понятий государства и общества у Штирнера является (с известным ограничением, относящимся к его ниже разобранному позитивизму) только психологическим pendant* (Соответствующее другому; равное чему-нибудь (фр.) - Ред.) к социологической работе Маркса.

Насмешки над «трудовым» обществом коммунизма также вытекают из той же критики сознания. С этим пунктом, полагаю я, именно современный социализм вполне и совершенно согласится. Эта полемика Штирнера направлена против декламации о достоинстве труда и праве на труд... С освобождением от рабской формы труда должна пасть и идеология труда, соответствующая только такому классовому обществу, в котором труд — нечто ценное в себе, добродетель, святое призвание...

Если Штирнер остановился на полпути, уничтожил идеологию, но не познал ее реальное основание в жизненных общественных отношениях, то виною этому не только его односторонний интерес к одной лишь области сознания. Причина лежит глубже — в характере всего его основного взгляда на идеологию. Штирнер является представителем известного рода практического позитивизма. Уже его понимание истории, которое позволяет ему видеть в духовном развитии три стадии: ребенка, юноши и взрослого, напоминает контовский закон о трех эпохах развития: от фетишизма — через метафизику —

к позитивизму. К нему стремится и Штирнер, но требование позитивного понимания, которое применялось Контом лишь к теоретической области, у Штирнера получает значение и для области практической. И его постигает та же судьба, что и теоретический позитивизм... Штирнер думал, что посредством критики идеологических форм правовых и моральных понятий он уничтожает сами понятия и вытравляет их из наших практических воззрений. Как и теоретический позитивист, Штирнер не понял, что в содержании практических понятий проявляется наша социальная природа. Социальное... не есть для него проблема, а лишь «призрак», метафизика. В этом — слабая сторона «Единственного»... Но это ничуть не уменьшает исторического величия его попытки духовного освобождения и ее непреходящего значения, ибо мы еще не так свободны, чтобы работы мышления не ставили более перед нами выдвинутых им задач. И пролетариат по самому своему историческому положению призван их разрешить.

Версия #2

Зверобой создал 10 апреля 2025 19:57:07

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:34:09